

* * *

Ничего от сердца не отрину,
никого уже не разлюблю...
Догола, до ягодки – рябину
птицы доклевали к февралю.

* * *

Сердечная смута и мне, безусловно, знакома...
Одна из бодрящих примет моего бытия –
тот факт, что сегодня «Записки из Мёртвого дома» –
от корки до корки – настольная книга моя.

Ну, так-то – в округе – пока никакого бабая,
далече тюрьма, и всегда по ночам тишина,
и к людям выводит – проверено лично – любая
тропа непременно, и даже – собачья тропа.

...Не вспомнить, куда выводила вот та человечья
тропа, что давно заросла многолетней травой...
Не в нашем ли доме гремела намедни под вечер
застольная песня – о «детях страны трудовой»?..

ЗЕМНАЯ ОСЬ

Светит миру луна вполнакала,
бдит на кухне – бесшумно всегда –
бывший мастер из Водоканала,
очень бывший ударник труда.

Денег нет, но уже не от свиста,
а на прошлое память – жива:
как любила его, коммуниста,
беспартийная сроду жена!

Тишина...

Ни тебе сволочей, ни

Погрущу тихонько под гармошку...
Ночь темна, как будто собрала
звёзды Матерь Божия в ладошку,
точно крошки хлеба со стола...

экстремистов каких, например...
Он теперь не партийный – ничейный –
мастер Сидоров-пенсионер.

А в квартире такой же,
но выше
(два пролёта и вся недолга) –
эти строки – сочувственно – пишет
ваш, читатель, покорный слуга.

Пишет, чувствуя душу родную:
вместе вкапывать нам довелось
«гриб» в песочнице – нашу земную,
здешних жителей, стало быть, ось.

РАВВИН

* * *

В окоём вливается равнина:
всяк из нас – на свете не один.
...Из России выслали раввина,
несмотря на то, что он раввин.

Новость бьёт по темечку упрямо,
хорошо ещё не наповал...
(Сын его за местное «Динамо»
тоже на татами выступал).

Жил, как все, и с кодексами в прятки
не играл, на отдых ездил – в Крым.
Говорят, с гражданством непонятки,
но с российским, а не со вторым.

Были мы знакомы с ним – заочно.
Да, раввин, а всё-таки – не тать.
Я его вернул бы – лишь за то, что
не хотел до слёз он уезжать.

* * *

Провыл барбос, не зная толком
о чём, и снова – тишина...
Вошла над Солнечным посёлком
на свет не жадная луна.
Живём, где трудно без отваги
жить на зарплатные гроши,
где... сострадание к бродяге
равно бессмертию души.

* * *

Здесь, в городе, любое слово – веское;
здесь для всего имеются весы,
но знаю: правит миром деревенское
начало вечно-будничной весны –
там, где дымы пластаются над избами,
там, где капелью сочной тешит слух
и сердце всенародно переизбранный
не пуп земли какой-то, а пастух.

Мечтать не вредно о покое,
когда вопросов больше нет...
Есть в нашем городе такое,
на что пролить мне стоит свет?

Вот так идёшь в холодный вечер
там, где пустынно и темно,
уже ни с кем не чаешь встречи,
но за углом – стоит ОНО.

И не понять ни вмиг, ни вскоре,
ни вообще (хоть как свети):
к кому тут счастье или... горе
всё не решается зайти...

* * *

Мы живём, конечно, по законам
(иногда лишь – думаем не вслух),
но живём и тем, что далеко нам,
местным, до столичных заманух.

Солнце греет – сердцу именины
(нынче дней погожих – недород).
...Прилетят и в наши палестины
мухи (то есть, белые) вот-вот.

Вот и ладно, вот и лепо, то есть,
в том и суть

земных

обычных нас,

что живём, к чему-нибудь готовясь,
каждый день...

А именно сейчас

что ли зря латает

теплотрассу

дружный азиатский коллектив?

что ли зря (а зря у нас – ни разу)

у предзимья солнечный налив?

* * *

Встревожилась к ночи душа, как голодная рыбка
в аквариуме, но осталась пока что при мне,
бродящем по комнате в тапках с китайского рынка;
и непредсказуемо, точно ружьё на стене,
мой город молчит: ни случайного вопля, ни песни,
ни смеха, ни плача...

Молчащему – трудно помочь:
ведь что-то случилось – печальное – с городом, если
никто из людей не запел в новогоднюю ночь.

Ни скрипа, ни вздоха... И дни – переходят на шёпот.
Сосчитаны крошки во всякой чужой бороде...
И кажется мне: обязательно выстрелит что-то
на днях или после. Не важно – откуда и где.